

Ор. 63.3
С-12

Вильям Савельзон

Оренбургская история в лицах

50 портретов
на фоне эпохи

Вильям Савельзон

ор 63.3

с 12

ор 63.3

63.3 (2Рос - 4 Ор) - 8

Оренбургская история в лицах

**50 портретов
на фоне эпохи**

Оренбург - 2000

Оренбургская областная научная
библиотека им. Н. К. Крупской

Брошюра

а - 265173
05
16
12

6.

ЛУЧШИЙ ГУБЕРНАТОР

ПЕРОВСКИЙ Василий Алексеевич (1795-1857)

- Товарищи! Нас ожидают служба и бураны и все неизбежные трудности дальнего степного и зимнего похода.

Так проникновенно обратился он к своим солдатам, выступая в 1839 году в поход из Оренбурга на Хиву. И этот же человек приказал во время похода казнить одного из "товарищей" - солдата, который позволил себе выразить недовольство, что погибших не хоронят по христианскому обычаю, а лишь забрасывают снегом.

Сложная, во многом противоречивая личность - Василий Алексеевич Перовский. Думается, разгадка - в его фамилии. Точнее, в его происхождении. Он - внебрачный сын графа Алексея Кирилловича Разумовского. А фамилия хоть и на аристократическое "-ский", сконструирована из названия нынешнего района Москвы, а в то время села Перово, которым владел граф.

Он достиг в жизни многого. Но никогда не забывал: он - незаконнорожденный. И "светская чернь" это тоже помнит.

И можно предположить, что комплекс неполноценности отравлял всю жизнь Перовского и был одной из причин резких перепадов характера и карьеры.

Хотя поначалу карьера внешне начиналась куда как удачно. В 23 года - блестящий капитан лейб-гвардии. В 24 - полковник. В 30 - флигель-адъютант наследника престола, будущего царя Николая Первого. В 33 - генерал-майор. В 34 - генерал-лейтенант. Став императором, Николай мог бы его и министром сделать. Но вместо этого он отправлен в своего рода ссылку в Оренбург. Из-за строптивости и происков Нессельроде, Бенкендорфа, Клейнмихеля.

"В 1833 году, - писал историк И.Н.Захарьин, - немецкой партии удалось-таки, наконец, "сплавить" нежелательного для ее интересов человека, и В.А.Перовский получает назначение на далекую окраину России - в Оренбург, служивший в то время местом ссылки для преступников - уголовных и политических - и отличавшийся крайне суровым климатом по зимам и убийственными лихорадками летом".

Правда, было в его судьбе и много просто невезения. В Бородинском сражении у него оторвало фалангу пальца левой руки. Он стеснялся этого недостатка и носил потом на пальце золотой наперсток. А дальше, в первое его оренбургское губернаторство произошло и совсем нелепое: по свидетельству очевидца Н.И.Кокшарова, на охоте Перовский случайно отстрелил себе следующую фалангу этого несчастного пальца.

А через несколько дней после Бородина, в Москве он попал к французам в плен и был освобожден только через два года в Париже.

Ранен он был и на Сенатской площади в Петербурге 14 декабря 1825 года, где был рядом с наследником престола. Правда, не так героически: контужен поленом.

Он получил серьезную рану и в 1828 году в русско-турецкую войну. Боли он испытывал сильнейшие, именно поэтому, поехав на оренбургское губернаторство, позаботился, чтобы приехал и Владимир Иванович Даль. Не только как толковый и честный чиновник по особым поручениям, но и как искусный лекарь, "вторая хирургическая перчатка" России после прославленного Пирогова.

Василий Алексеевич был мужчина видный, статный, с великолепной шевелюрой и лихо подкрученными усами, недаром внучатый племянник фаворита Екатерины Великой. Силен был так, что легко гнул подковы. Манеры его были изысканны. Он знал несколько языков, любил музыку, поэзию.

У женщин имел успех, да какой! Им была увлечена южная красавица, язвительная умница Александра Осиповна Россет, которой увлекались и Пушкин, и Жуковский, и Вяземский, и Лермонтов. Позднее она вспоминала о лете 1831 года в Царском Селе, когда за ней ухаживал будущий ее муж Н.М.Смирнов:

"Перовский проезжал в дрожках и, скотина, даже не посмотрел на мои окошки. Пушкин сказал: "То так, то пятак, то гривенка, а что если б он теперь предложил свою руку с золотым наперстком?"

- Сейчас положила бы свою и на коленях бы его благодарила.

- И вы действительно послали бы Смирнову отказ?

- Конечно. Перовский был очень красив, храбр, добр, как ангел, у него тоже было 2000 крестьян, он был щедрым покровителем моих братьев".

(Правда, она рассказывала, что фалангу пальца Василий Алексеевич потерял вовсе не на войне, а сам себе отстрелил в ярости после того, как ему отказала одна из красавиц).

И не одна Россет вздыхала по нему. Но он так и остался холостяком.

Бывали дни, когда он был "добр, как ангел". Немало он пытался сделать, чтобы смягчить участь политических ссыльных поэтов Плещеева (хотя сам был председателем военно-судной комиссии, выносившей приговор петрашевцам, в том числе и Плещееву) и Шевченко.

Известно, как один из генералов - подчиненных Перовского, узнав, что ссыльный Шевченко, вопреки приказу императора, сделал несколько рисунков, поспешил с докладом. Василий Алексеевич остался верен своей манере: выслушав доклад ретивого доносителя, он грозно на него взглянул и сказал со значением:

- Генерал, я на это ухо глух. Потрудитесь повторить мне с другой стороны то, что вы сказали!

Тот сразу все понял и, перейдя к другому уху Перовского, стал докладывать что-то, к Шевченко не относящееся.

Но в Оренбурге Перовский же приказал прогнать сквозь строй содержавшегося в тюрьме ссыльного поляка, который отказался выйти на переключку во двор тюрьмы, на снег босиком. И тот был заперт насмерть.

В то же время, было у Василия Алексеевича и хорошее чувство юмора, и справедлив он бывал. С одним из эпизодов его жизни оренбургские краеведы связывают появление известного афоризма Козьмы Пруткова "Се - лев, а не собака!". Однажды Перовский осматривал одну из городскихстроек и увидел, что штабс-капитан избивает солдата за какую-то провинность, настоящую или мнимую. Рукоприкладства губернатор не терпел. И поэтому громогласно отчитал офицера, который страшно перетрусил.

А как раз в это время по приглашению Перовского приехал в Оренбург его племянник Александр Михайлович Жемчужников, создавший вместе со своими братьями и А.К.Толстым Козьму Пруткова. Он увидел эту сценку, и будучи неплохим художником-карикатуристом нарисовал: на одном рисунке грозный, как лев, губернатор отчитывает жалкого, как побитая собака, офицера, а на другом - тот же штабс-капитан - сам аки лев, бьет в лицо вытянувшегося перед ним солдата.

Рисунки стали гулять по городу с подписью под первым "Се - леев!", а под вторым "А не собака!". Дошло до жандармов, которые усмотрели в рисунках "покушение на устои". Донос на автора вместе с карикатурой лег на стол Перовского. А тот, надо полагать, посмеявшись, написал резолюцию: "Зело здорово подмечено! Дело производством прекратить".

Василий Алексеевич бывал, особенно в молодости, человеком компанейским, душой общества, имел много друзей. Но о нем же мы прочтем в записках генерала И.В.Чернова:

"Перовский в сношениях своих с подчиненными настолько далеко держался от них, что никто не мог говорить с ним вне службы".

А дочь В.И.Даля Екатерина вспоминала:

"Отец говаривал, что ему трудно было постоянно относиться к Василию Алексеевичу, как должен относиться подчиненный к своему начальнику, что Василий Алексеевич был, по выражению отца, "капризный ребенок"; то выражал желание брататься с ним, то вдруг вытянется перед ним и примет начальнический вид".

Был Перовский очень вспыльчив, самолюбив, подчиненным "тыкал", в выражениях не стеснялся.

Причудливы были и его вкусы. Любопытен фон. На самом известном его портрете работы К.Брюллова, где он в рост, горделиво подбоченясь и опираясь левой рукой о стол так, чтобы был виден лишь большой палец, а остальные поджаты и не заметно физического недостатка. Какие-то роскошные золотистые подушки софы, на красной стене развешаны сабли, кинжалы, колчаны, пистолеты, ружья... Он любил восточную роскошь, дом его был в коврах и огромных зеркалах, в кабинете стояли статуи рыцарей. Балы и обеды он давал грандиозные, шампанское лилось рекой, гостей приглашалось несколько сотен.

Современник вспоминал, как открывали Дворянское собрание (ныне Советская, 17):

"Поистине блестящий бал состоялся 2 декабря в залах Дворянского собрания, такого бала оренбуржцы еще никогда не устраивали. Блестящие мундиры, богатые туалеты, музыка, обслуживание и ужин были не хуже, чем в Петербурге, и генерал-адъютант Перовский, за здоровье которого было выпито много шампанского, был очень тронут привязанностью своих подчиненных и почитателей, а также восхищен любезностью множества женщин и девушек, среди которых было много красавиц".

Летом в Оренбурге жарко, и Перовский предпочитал проводить это время на "кочевках" где-нибудь в горах и лесах Башкирии. Но и там он устраивался со вкусом. Возводился хоть и деревянный, но комфортабельный дом и помещения для гостей и прислуги.

Вспоминает один из гостей Василия Алексеевича на такой "кочевке":

"Обедали мы и ужинали в доме Перовского, где все было сервировано, как при дворе, не только имелась гастрономическая изысканная кухня, но и разные лакомства в виде консервов, страсбургские пироги, дорогие вина и проч."

И царедворец был искусный. Когда летом 1837 года в Оренбург с огромной свитой прибыл наследник престола великий князь Александр

Николаевич, будущий Александр Второй, путешествовавший по России, то Перовский организовал самый пышный прием. Современник свидетельствует об "азиатском празднике":

"Перовский мастерски успел соединить европейские удовольствия с азиатскими потехами. Азиатцы, образованные на европейский манер, новосформированные полки башкирцев, смешанные с Уральскими казачьими полками, стройными маневрами занимали великого князя; а вечером Киргизская орда забавляла его всем, чем только могла".

А потом в степи начался ночной бал.

Перовский и сам по себе был колоритнейшей фигурой, а к тому же на него падает пушкинский отсвет. Перовский и Пушкин, по некоторым сведениям, были знакомы еще с 1817 года и были друг с другом на "ты".

Но судьба могла сложиться и так, что они встретились бы как враги на Сенатской площади в Петербурге. Полковник Перовский был адъютантом наследника престола и неотлучно рядом с ним, а Пушкин, если б сбылся его план тайной поездки из михайловской ссылки в столицу, попал бы как раз к выступлению декабристов, в их ряды, как он сам потом свидетельствовал.

Надо отдать Василию Алексеевичу должное за то, что в дни пребывания поэта в Оренбурге осенью 1833 года он сделал все возможное, чтобы Пушкин мог поработать плодотворно. В первый вечер, 18 сентября он поместил Александра Сергеевича на своей загородной даче-павильоне и, видимо, долго дружески с ним беседовал, обрадованный нежданной встречей. А на следующий день, когда оказалось, что тут тесновато и холодно, он, смирив свое самолюбие, в интересах дорогого гостя одобрил его переезд в теплую и просторную городскую квартиру своего чиновника по особым поручениям В.И. Даля.

Существует и версия, что Пушкину было "не совсем ловко", по выражению Даля, еще и потому, что в это время на даче жила некая красавица-баронесса, любовница Перовского.

Перовский в первый вечер позаботился послать гонцов в Берды, и поэтому на следующее утро поэт, не теряя времени, смог осмотреть дом, где был пугачевский дворец-"золотая изба", побеседовать со старожилами, помнящими грозного Пугача, особенно со старухой Бунтовой. Можно предполагать, что Перовский послал гонцов и по линии бывших приуральских крепостей, куда предстоял путь Пушкину, во всяком случае в Нижнеозерной вечером 20 сентября уже были собраны свидетели пугачевщины.

Недаром же только что вышедшую "Историю Пугачева" Пушкин прислал своему другу Перовскому с дарственной надписью и пожеланием встретиться снова "в степях или над Уралом".

Так получилось, что страшные пушкинские преддзельные месяцы зимы 1836-1837 годов Василий Алексеевич провел в Петербурге.

Он был в числе тех, кто пытался предотвратить трагедию, и не его вина, что это не удалось. Перовский участвовал и в похоронных церемониях.

Перовский из всех трех десятков оренбургских губернаторов - самый заметный. Да и губернаторствовал он дольше всех: в общей сумме пятнадцать лет. В первый раз с 1833 по 1842 год, второй с 1851 по 1857 год.

Показательно: когда в 1851 году он в Петербурге опасно заболел, то, по свидетельству современника, попросил царя:

- Я желал бы, чтобы меня похоронили оренбургские и уральские казаки.

Чтобы устранить некоторую путаницу, которую находишь в материалах отдельных краеведов, надо сказать, что неверно представление: раз во время первого приезда Перовского существовала Оренбургская губерния, то центром ее был Оренбург, а Перовский стал сразу же полным губернатором.

Нет, центр тогда был в Уфе, там и жил гражданский губернатор. В Оренбурге же была резиденция военного губернатора, коим и был Перовский в первый свой срок. Точнее, он приехал в 1833 году и несколько месяцев был "исправляющим должность военного генерал-губернатора", потом "и.о." исчезло.

Уехав в 1842 году, он стал в Петербурге членом Государственного Совета и Адмиралтейств-Совета, снова был приближен к императору. Но вторично вернулся в Оренбург, и это тоже можно расценить как некую вторую ссылку, в 1851 году уже оренбургским и самарским генерал-губернатором.

Однако отдаленность нашего края от столиц имела для Перовского и преимущество: начальство далеко, и можно развернуться без оглядки на него. Это Василию Алексеевичу было по характеру.

Например, Оренбург состоял в основном из ветхих домишек. И Перовский решил проблему жестко: он назначил ветхие дома ломать и обязать владельцев построить новые по плану. Не в состоянии - получи от казны 50 рублей и 50 бревен и строй в новой слободе за Караван-Сараем, там места отводились даром. За короткий срок снесли более двухсот развалюх.

Авторитетный знаток дореволюционного Оренбурга П.Н. Столпянский считал, что "Оренбург обязан Перовскому построением чуть ли не трех четвертей настоящих зданий. При Перовском же было обращено серьезное внимание и на благоустройство".

А этот Караван-Сарай, являющийся и поныне архитектурным украшением города, Перовский построил, призвав талант известного в те времена художника и архитектора А.П. Брюллова, брата великого живописца Карла Брюллова.

И пусть служит укором многим из тех, кто руководил губернией, а потом областью позже: именно при Перовском были построены

самые красивые городские здания, в том числе и на местах, расчищенных от ветхих домов. Кроме Караван-Сарая, это и Дом учителя, бывшее Благородное собрание, и нынешний областной краеведческий музей на Советской, городской музей на набережной, построенный сначала под архив и денежные кладовые, и дворец губернатора, это Советская, 2, и нынешняя белоколонная 30-я школа, и манеж, который после перестроек и достроек стал областным драматическим театром...

При Василии Алексеевиче город преобразился. Появились сады и парки, в том числе вокруг Караван-Сарая, на набережной и на спуске к Уралу, водопровод, даже фонтан на главной площади. Улицы стали освещаться масляными фонарями.

Вообще Перовский любил доводить все дела до конца. Если в первое свое губернаторство он затеял крайне неудачный поход на Хиву и, потеряв несколько тысяч солдат, бесславно вернулся в Оренбург, то во второе губернаторство он реабилитировал себя новым походом в Азию. И в 1853 году его войска взяли штурмом важную кокандскую крепость Ак-Мечеть, плацдарм для дальнейшего наступления России на юг.

(Кстати сказать, подобно тому, как обстоятельства помешали М.В. Ломоносову стать одним из основателей Оренбурга, не сбылось желание М.Ю. Лермонтова, служившего на Кавказе, приехать в Оренбург и участвовать в Хивинском походе).

Трудно перечислить все, что сделал для нашего края этот человек. При нем вышел в свет первый номер газеты "Оренбургские губернские ведомости", появились купцы 1-й гильдии, которые стали широко торговать с Азией. И опять Перовский шел неординарным путем: чтобы больше было крепких купцов, он разрешил только начинающим свое дело в течение первых пяти лет, пока не встанут на ноги, платить только половину пошлины.

При нем было утверждено положение "Об Оренбургском казачьем войске".

Он переселил казаков из внутренних станиц на линию, еще более укрепив оборону. Заставлял сажать в наших степных местах леса. Жестокими мерами упорядочил казачье землепользование. Он решал и национальные проблемы: появились, наряду с православными храмами, мечети, открылись школы для башкирских детей.

Приехав на оренбургское губернаторство, Перовский был весьма удивлен, что в этих черноземных местах так мало сеют хлеб. И поскольку был человеком деятельным, то решил силой облагодетельствовать казаков. Последовал приказ об обязательной и принудительной "общественной запашке" свободных земель. Казаки воспротивились было, но губернатор приказал бунтарей пороть, а особо стойких даже выслать.

Что-то подобное было на Руси столетием раньше, когда силой заставляли сажать завезенный с Запада американский, не знаемый в стране картофель.

И Перовский добился своего. Производство зерна в Оренбуржье резко увеличилось. И самим стало хватать на продовольствие и семена, и вывозить появилось что. Губернаторская инициатива, как вскоре оказалось, дернула за первое звено цепочки. Товарного зерна стало столько, что конным транспортом и на быках не вывезешь. Появилась необходимость прокладывать железную дорогу. Надо было и перерабатывать зерно на месте - быстро выросла мощная мукомольная промышленность, потом - хлебозаводы.

Так что слава хлебородного нашего края начиналась с В.А.Перовского.

Личностью Василий Алексеевич Перовский был крупной, заметной. Недаром Л.Н.Толстой задумал роман, главным героем которого должен был стать этот будущий дважды оренбургский губернатор. "Фигура Перовского одна может наполнить картину из времен 20-х годов", - написал Толстой. И еще: "Я сам не знаю, возможно ли описывать В.А.Перовского и, если бы и было возможно, стал ли бы я описывать его; но все, что касается его, мне ужасно интересно, и должен вам сказать, что это лицо, как историческое лицо и характер, мне очень симпатично".

Очень жаль, что замысел романа остался невоплощенным. Остался лишь отрывок, где в герое - генерале Федоре Щетинине мы явно видим Василия Перовского.

В 1857 году Василий Алексеевич Перовский, ставший к тому времени графом, генерал-адъютантом, по болезни навсегда оставил Оренбуржье. А его губернаторство вошло в историю нашего края как "Золотой век Перовского".

